

Лб41 26

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва—1958

Г. Е. МАРКОВ

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

До сих пор в этнографической науке не получила своей характеристики небольшая, но интересная группа северных туркмен, расселенная вне пределов Туркменской ССР, на правом берегу Аму-Дарьи, в Турткульском и Шаббазском районах Каракалпакской АССР. Некогда эта группа туркмен включала в свой состав несколько племен, сохранившихся теперь только в качестве этнографических групп со старыми племенными названиями и некоторыми особенностями в обычаях и материальной культуре. Самыми крупными этнографическими группами являются атинцы и арбачи. Значительно малочисленнее — гоклены и игдыры. Своеобразие расселения туркмен на правом берегу Аму-Дарьи состоит в том, что здесь они образуют аулы не с однородным в этническом отношении населением, как на левом берегу Аму-Дарьи, а со смешанным. В одном и том же ауле нередко живут не только представители различных туркменских групп, но и узбеки, казахи, каракалпаки.

В настоящее время атинцы и игдыры расселены в основном в Турткульском и отчасти в Шаббазском районах. Арбачи и гоклены живут исключительно в последнем. Рассматриваемые туркменские группы Каракалпакии не являются исконными жителями этой территории. Заселение ими правобережья Хорезмского оазиса относится к сравнительно недавнему времени и произошло незадолго до прихода русских в Хивинское ханство¹.

Туркмены, поселившиеся сначала на левом, а затем на правом берегу Аму-Дарьи, пришли в Хивинское ханство из различных районов обширного ареала расселения туркмен. По немногочисленным и к тому же отрывочным данным письменных источников, а главным образом по материалам туркменских преданий, можно установить прежние места расселения рассматриваемых групп туркмен. Так, для атинцев эти места локализируются в районе Балханских гор, для арбачи и игдыров — на полуострове Мангышлаке и для гокленов — в предгорьях Копетдага, долинах рек Атрека и Гюргена.

Туркменские легенды помогают уточнить не только прежние места расселения туркмен, но и причины, вынудившие их покинуть старые места и уйти в земледельческие оазисы. Рассказы информаторов-атинцев о прежних местах их расселения, где они вели скотоводческое хозяйство, согласуются с сообщениями русского путешественника Н. Н. Муравьева, наблюдавшего их в начале XIX в., еще до их переселения в Хивинское ханство.

¹ Г. Е. Марков. К вопросу о формировании туркменского населения Хорезмского оазиса. «Советская этнография», 1953, № 4.

Причин переселения туркмен в Хорезмский оазис было, по-видимому, несколько. Туркмены вообще были склонны оседать и заниматься земледелием, в чем сказывались давние традиции. Повлияло и то обстоятельство, что в Хивинском ханстве в начале XIX в. наметилось некоторое оживление экономической жизни и создались условия для расширения поливных площадей. Нельзя упускать также из вида и ухудшение водоснабжения районов расселения атинцев после XVI—XVII вв., связанное с пересыханием Дарьялыка и Узбоя². Наконец, как по сведениям Н. Н. Муравьева, так и по данным туркменских преданий³, на старых местах расселения атинцы подвергались нападениям со стороны иомудов, которые в конце XVIII в. вытеснили их из окрестностей Балханских гор. Хивинские ханы охотно разрешали туркменам селиться в оазисе и выделяли им годные к орошению земли, так как были заинтересованы в увеличении своих войск за счет туркменских отрядов. Судя по данным Н. Н. Муравьева и сведениям туркмен-информаторов, переселение атинцев в Хивинское ханство произошло в основном в течение первой четверти XIX в.

Сведения относительно арбачи исходят почти целиком от туркмен-информаторов. Правда, их имя упоминает и хивинский историк хан Абульгази, когда он рассказывает о племенах, плативших в XVI в. дань Суфиан-хану⁴. О том же говорит в своей хронике хивинский историк Мунис⁵. В те времена арбачи были расселены где-то в районе полуострова Мангышлака. Это подтверждают и сообщения информаторов-арбачи, называющих Мангышлак местом первоначального расселения своего племени⁶. Называется даже местность Баян-Баба, где якобы арбачи когда-то кочевали⁷.

Причины переселений арбачи более или менее ясны. С XVII по XVIII в. на Мангышлак неоднократно устремлялись значительные массы сначала калмыков, а затем казахов. В ожесточенной борьбе за пастбища, принявшей особенно серьезные формы в начале XIX в., туркмены оказались побежденными и были вынуждены искать себе новых мест расселения. Многие информаторы-арбачи прямо говорят, что в Хивинское ханство их предки были вытеснены казахами⁸. Основным занятием арбачи до переселения в Хорезмский оазис, судя по всем сообщениям информаторов, было скотоводство.

Для восстановления истории переселения игдыров, как и арбачи, почти единственным источником служат предания. По данным русских путешественников, известно, что чоудоры и близкие им группы абдалов, игдыров и других туркменских племен переселялись в Хивинское ханство отдельными группами в течение XVIII в. и первой половины XIX в.⁹ Длительность процесса их переселения объясняет противоречия в сообщениях информаторов, которые выводят игдыров из разных мест и дают несколько версий их происхождения.

² С. П. Толстов, А. С. Кесъ, Т. А. Жданко. История Сарыкамышского озера в средние века. «Известия АН СССР, серия географическая», 1954, № 1, стр. 47, 48.

³ См. полевые записи Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1949—1950 гг. и Туркменской экспедиции МГУ за 1955 г. Архив кафедры этнографии МГУ.

⁴ Абульгази-Богадур-хан. Родословное древо тюрков. Казань, 1906, стр. 185—186.

⁵ Мунис. Фирдаус-уль-икбаль. Материалы по истории туркмен и Туркмении, II, стр. 324, 325.

⁶ Полевые записи за 1955 г., стр. 3.

⁷ Полевые записи за 1949 г., № 8.

⁸ Полевые записи за 1955 г., стр. 4.

⁹ См. путевой журнал Турпаева, опубликованный в книге Галкина. «Этнографические и исторические материалы...», СПб., 1868, стр. 277 и сл.

Информаторы называют в основном два района расселения игдыров до переселения их в Хивинское ханство. Одни информаторы называют эти места на Мангышлаке, причем в этом случае игдыры связываются по происхождению с чоудорами, другие — на Гюргене, где их сильными соседями, а иногда и родственниками, выстушают помуты.

Информатор Байрамалиев Гаип сообщил нам следующее предание. В давние времена мангышлакские туркмены воевали с владетелями Хивы и были ими разбиты и подчинены. Два молодых туркмена решили воспользоваться миром и сосватать себе невест в Хиве; поместившись на одного верблюда, они отправились в путь. Вперед они послали двух стариков-сватов. Отцы девушек, которых стали сватать, выразили желание подробней узнать, что за люди женихи, какого они племени. На это сваты ответили: «ильдыр»; этот термин рассказчик перевел, как «это (тоже) люди». Юноши женились, поселились в Хиве и их потомство стало называться «игдыр»¹⁰. Эта народная этимология племенного названия не имеет под собой исторической почвы, так как это племя упоминается еще автором XI в. Рашид-ад-Дином; в то же время часть легенды, где говорится о связях игдыров с Хивинским ханством, представляет некоторый интерес.

Старики-игдыры считают, что их предки переселились в Хорезмский оазис в годы завоевания Надир-шахом Средней Азии¹¹.

Интересна легенда об игдырах, рассказанная Худайбергеновым Изабасты, согласно которой игдыры до переселения в Хивинское ханство не составляли единой группы. По его словам, первоначальная родина игдыров — Мангышлак. Давным-давно игдыры жили в окрестностях города Шагадам, стоявшего «...у устья реки, впадающей в Каспийское море». В Шагадаме жило много игдыров — «тысяч 50 или 100». Со временем они разделились на две половины и между ними началась междоусобная борьба. Победители остались жить в Шагадаме, а 150 семей из числа побежденных переселилось в Хиву. Произошло это событие, по мнению рассказчика, лет 200 тому назад¹². Старик Аширов Аллаверды Сопы сообщил интересное старинное предание о переселении игдыров на современные места. Лет 300 тому назад на кочевья помутов ак-атабай напали гоклены и стали отбирать у них скот, имущество и женщин. В это время мимо проезжали два молодых джигита из хорезмских туркмен по имени Ак-Эркек и Кара-Эркек. Они заступились за помутов, за что те дали им в жены двух девушек. Потомки Кара-Эркека переселились с Гюргена в Хорезмский оазис и положили начало поселениям здешних игдыров¹³. Имена братьев Ак-Эркека и Кара-Эркека встречаются и во многих других игдырских преданиях¹⁴. В настоящее время Ак-Эркек и Кара-Эркек — названия игдырских родовых подразделений.

В общих чертах история переселений игдыров такова: некогда единая группа мангышлакских игдыров, примыкавшая к чоудорам, в результате каких-то межплеменных столкновений оказалась разбитой на несколько частей. Победители остались на старом месте, а побежденные откочевали в Хивинское ханство и на Гюрген. На Гюргене игдыры подчинились помутам, возможно, из подразделения кара-чока, долго жили вместе с ними и только впоследствии какая-то их группа переселилась в Хорезмский оазис. Не исключена возможность, что они двигались вместе с кара-чока, которые и сейчас встречаются в Ташаузской области. Переселения игды-

¹⁰ Полевые записи за 1955 г., стр. 51.

¹¹ Там же, стр. 48.

¹² Там же, стр. 47, 48.

¹³ Там же, стр. 56, 57.

¹⁴ Там же, стр. 47, 48, 57, 62, 67, 68, 69.

ров в Хивинское ханство имели, по-видимому, место и в период походов Надир-шаха. Наконец, часть игдыров ушла с Мангышлака в XIX в., когда их вытеснили оттуда казахи.

Если до поселения в Хивинское ханство игдыры занимались скотоводством (о чем говорят их предания), то после переселения они окончательно перешли к земледелию. В настоящее время у игдыров значительно меньше скотоводческих традиций, чем у ата и арбачи.

Останавливаясь подробно на времени и причинах переселения в Хивинское ханство гоклен нет необходимости¹⁵, надо отметить только, что в первой половине XIX в. отдельные группы гокленов получили земли на левом берегу Аму-Дарьи, а во второй половине того же столетия часть гоклен ушла из оазиса.

Таким образом, в течение XVIII и начала XIX в. на землях Хивинского ханства, в районе современной Ташаузской области, главным образом около Куня-Ургенча и около Ильялов, расселились группы туркмен ата, арбачи, гоклен и игдыров, часть которых составила впоследствии туркменское население правого берега Аму-Дарьи.

Основные источники по истории Хивинского ханства — Мунис и Агехи — ничего не сообщают о причинах и времени заселения туркменами правобережья Аму-Дарьи. По всей вероятности, молчание хронистов можно объяснить незначительностью туркменских групп, ушедших на правый берег Аму-Дарьи, а также тем, что оседание мелких туркменских групп на новых землях происходило постепенно, в течение длительного времени и не представлялось поэтому современникам важным событием. Тем не менее, основываясь на сообщениях информаторов-туркмен, можно восстановить картину переселения туркмен на правый берег Аму-Дарьи.

Начало переселения туркмен все источники относят к годам правления хивинского хана Медреима (Мухаммед-Рахим-хана, 1806—1845). При следующем хане, Мейдамине (Мухаммед-Эмин-хан, 1845—1855), заселение туркменами правобережья в основном завершилось¹⁶.

Первыми туркменами-переселенцами на правом берегу Аму-Дарьи были атинцы. До своего переселения они расселились отдельными группами на окраинах Хивинского ханства в районе Куня-Ургенча, в местностях Гонг-Чонгуль, Вас (Уаз) и Ай-Бовур, по соседству с иомутами¹⁷. По словам информатора Амандурдыева Торе, они жили там отдельно от тех атинцев, потомки которых живут теперь в Дарган-Атинском районе. На старых местах расселения происходили постоянные столкновения атинцев с иомутами. Вражду иомутов и атинцев информаторы объясняют тем, что атинцы участвовали в свое время в походах хивинских ханов против иомутов¹⁸. Последние, являясь сильным «племенем», нападали за это на атинцев, отнимали у них скот и уголь, который те выжигали на продажу¹⁹. Чтобы спастись от мести иомутов, атинцы перекочевывали с места на место, но и это не помогало. По сообщению информатора Наубетова Ашира, иомуты окончательно вытеснили атинцев из Ай-Бовура. Попытка атинцев укрепиться на арыке Майдамин-яб к югу от Куня-Ургенча окончилась неудачей, иомуты продолжали совершать нападения. Переселение атинцев к Куня-Уазу также не спасло их от нападений иомутов и атинцы снова перекочевали на север от Ильялов, где вырыли

¹⁵ Г. Е. Марков. Очерк истории формирования туркменского населения Хорезмского оазиса. Кандидатская диссертация, М., 1954.

¹⁶ Полевые записи за 1950 г., №№ 7, 14, 18 и за 1955 г., стр. 5, 6.

¹⁷ Полевые записи за 1950 г., № 10, 18 и за 1955 г., стр. 5.

¹⁸ Полевые записи за 1955 г., стр. 6.

¹⁹ Там же, стр. 45.

себе арык Ата-яб. Часть атинцев — подразделение убак-ата, — испугавшись трудностей, ушла из Хивинского ханства в Гюрген. Оставшиеся атинцы подразделений омар-ата и нур-ата получили земельные наделы (атлыки). Но нападения помутов, по-видимому, продолжались. Следующим пунктом, куда направились атинцы, был округ Гурлен, местность Дженгель²⁰. Земли Гурлена принадлежат к числу древнейших земледельческих районов Хивинского ханства и имеют многочисленное узбекское население. Трудно предполагать, чтобы атинцы с их экстенсивным в то время хозяйством могли найти здесь для себя благоприятные условия. Информаторы сообщают, что атинцы опять обратились к правительству с просьбой выделить им другие места для поселения. Вскоре атинцы получили от хивинского правительства разрешение поселиться на правом берегу Аму-Дарьи, в местностях Шимам, Гуры-Баг, Амирабад, Баг-Яб, Кельтеминар, Ак-Башлы, Мескин, Ак-Камыш, где большинство их, наконец, окончательно осело на землю. Таким образом, поселение атинцев на правобережье произошло незадолго до прихода русских в оазис в 1850-х годах.

На новых местах атинцы нашли пески или заросли камыша (партов, кол). Каналы Амирабад, Шимам, Ак-Башлы и другие имели небольшую протяженность и по их берегам располагались земли местного населения, по преимуществу узбеков. Туркменам пришлось осваивать новые земли, сооружать оросительные системы, продолжающие старые каналы. Туркменские земли оказались в хвостовых частях арыков, со всеми вытекающими отсюда невыгодными последствиями. Основными оросительными системами туркмен стали каналы Кельтеминар, Шимам, Ак-Башлы. Но не все атинцы осели окончательно. Группы, поселившиеся на южных окраинах культурных земель правобережья, в местностях Ак-Камыш, Шор-Булак, Мескин, Мешекли и других, до 1930-х годов вели еще полукочевое, по преимуществу скотоводческое хозяйство.

Вскоре после атинцев на земли правобережья переселились и арбачи. После вытеснения арбачи казахами с Мангышлака²¹ они перекочевали в Хивинское ханство в район Куня-Ургенча. Но и здесь, в условиях постоянной междоусобной борьбы, маленькому племени было трудно, и, пробыв около Куня-Ургенча недолгое время, арбачи переселились на правый берег Аму-Дарьи, в местность Бийбазар, а затем окончательно осели недалеко от Шаббаза.

Как указывалось, история расселения игдыров до их окончательного оседания в Хивинском ханстве была довольно сложной. Отдельные группы игдыров, уже после поселения в Хивинском ханстве, временно перекочевали в Бухарское ханство. Некоторые игдырские семьи по пути из Бухары какое-то время жили на землях современного Ильялинского района в местности, получившей название Игдыр-кала²². И, наконец, часть игдыров пришла с Гюргена. Освоение новых земель на юго-востоке Хивинского ханства было нелегким делом. Местность эта представляла собой пустыню, поросшую саксаулом; раньше эти земли использовались для выжигания из саксаула угля. Первое время игдыры имели на правом берегу Аму-Дарьи только земельные участки, сами же жили на левом берегу²³. Игдырские поля в это время находились на границах степи и оазиса, в зонах хвостовых частей каналов. Туркмены умышлен-

²⁰ Полевые записи за 1955 г., стр. 6.

²¹ Там же, стр. 4.

²² Там же, стр. 54, 57 и др.

²³ Там же, стр. 53.

но селились там, где можно было заниматься не только земледелием, но и скотоводством²⁴.

Гоклены, как и большинство других туркменских групп, расселившихся на правом берегу Аму-Дарьи, бежали с юга Хивинского ханства от иомутов. Поселившись первоначально на левобережье в местности Ак-Тепе (современный Ленинский район Ташаузской обл.)²⁵, гоклены оказались соседями иомутов, которые стали снова их жестоко притеснять. В конце концов гоклены бежали обратно в Гюрген. Хивинский хан, узнав об этом, поселил оставшихся гоклен ближе к столице. Но здесь не было достаточного количества земли, и по совету сановника Якуп-бая Калмыка часть гоклен переселили на пустовавшие ханские земли, в местности Шимам-Баг, на правом берегу Аму-Дарьи²⁶. Все информаторы считают, что переселение произошло примерно 100 лет назад, т. е. в 1850-е годы²⁷. После прихода русских войск в оазис часть гоклен ушла обратно на левый берег Аму-Дарьи, на правобережье осталось не больше ста семей.

Таким образом, к концу третьей четверти XIX в. расселение туркмен на правом берегу Аму-Дарьи было завершено. Небольшие перемещения туркменского населения, происходившие на крайнем юге ареала их расселения, в скотоводческих районах, никаких существенных перемен в общую картину расселения туркмен не вносили.

В жизни туркмен после их окончательного оседания стали происходить значительные перемены. Менялись хозяйство, общественные отношения, культура, быт. Однако анализ этих изменений составляет предмет другой работы.

²⁴ Полевые записи за 1955 г., стр. 55.

²⁵ Полевые записи за 1949 г., № 9 и за 1955 г., стр. 40.

²⁶ Полевые записи за 1955 г., стр. 1, 2.

²⁷ Там же, стр. 40, 42, 43.

Г. Е. Марков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ АЗИИ

Проблемы места кочевничества в истории человечества, путей его становления и развития были впервые исследованы с материалистических позиций в трудах классиков марксизма. Ф. Энгельс придавал большое значение возникновению подвижного скотоводства, рассматривая этот процесс как важный исторический этап: «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров — это было первое крупное общественное разделение труда»¹. Возникновение пастушеских племен сопровождалось значительными изменениями в социально-экономическом строе и оказало существенное влияние на соседние народы. Как указывал Энгельс, «на средней ступени варварства.. мы находим также разделение труда между пастушескими народами и отставшими племенами... следовательно, две рядом стоящие различные ступени производства и, значит, условия для регулярного обмена»². Очевидно, уже в ходе первого крупного общественного разделения труда происходило сложение частной собственности на одно из главных средств производства — скот. Энгельс писал по этому поводу: «И несомненно... что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей...»³. Глубокие изменения, происходившие в социально-экономических отношениях племен, переходивших к пастушескому, имели следствием интенсивное разложение первобытнообщинных родовых отношений и складывание новых форм общественной организации. Как отмечал Энгельс, «чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользования чужой рабочей силой...»⁴.

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. часть пастушеских племен горных и степных областей Азии стала переходить к кочевому скотоводству и начало складываться кочевничество, основанное на специфическом способе добывания жизненных благ, при котором были необходимы неограниченные пастбищные просторы⁵. Сложение кочевничества привело к окончательному разложению первобытнообщинных отношений, чему способствовали тесные и разносторонние связи с населением оседло-земледельческих областей. Вместе с тем вследствие специфики экстенсивного

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 160.

² Там же, стр. 165.

³ Там же, стр. 58.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ К. Маркс, Введение (из экономических рукописей 1857—1958 гг.), К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 724.

скотоводческого хозяйства кочевничество имело на всем протяжении своей истории довольно примитивную производственную базу. Приемы ведения хозяйства, орудия производства, качественный состав стад, материальная культура и т. п. отличались застойностью и совершенствовались медленно. Разделение труда не получило в среде кочевников большого развития. Не выделилось в самостоятельную отрасль ремесло. Большая часть кочевников не создавала городов. Резкие изменения наступали лишь тогда, когда кочевники насильственно переводились на оседлость или оказывались втянутыми в социально-экономические отношения развитых оседло-земледельческих народов, особенно в эпоху капитализма. Но это приводило к разложению кочевничества, так как массы непосредственных производителей, лишившихся скота, не могли найти применения своему труду и переходили от кочевничества к иным занятиям. Как отмечал Маркс, в «...животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота...»⁶.

Развивая труды классиков марксизма, советские ученые установили, что возникновение кочевого скотоводства привело к окончательному разложению первобытнообщинных отношений в среде кочевничества и складыванию общественной структуры, основанной на имущественном и социальном неравенстве⁷. Пути возникновения этого неравенства четко определил еще Энгельс: «Появляющаяся частная собственность на стада и предметы роскоши вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в товары»⁸, «...скот сделался товаром... приобрел функцию денег и служил деньгами уже на этой ступени»⁹.

Сходясь в оценке кочевничества как не первобытного, не родового, а социально и имущественно дифференцированного общества, исследователи расходятся в определении сущности этого строя. В нашей литературе широко распространено мнение о феодальном характере социально-экономических отношений у кочевников, но понимается это разными авторами по-разному. Одни находят уже у древних кочевников развитый феодализм, другие считают, что существовал специфический «кочевой феодализм», третьи утверждают, что феодальные отношения сочетались у кочевников с сильными патриархальными пережитками, и характеризуют их общественный строй как «патриархально-феодальный»¹⁰. При этом отдельные исследователи весьма по-разному толкуют основу феодализма у кочевников. Одни полагают, что основу этого строя составляет феодальная собственность на скот¹¹, другие считают, что базой является собственность на землю¹². Каждая из сторон убедительно критикует основные положения другой стороны, что в конечном счете ставит под сомнение позитивные выводы обеих сторон. Серьезной критике была подвергнута и гипотеза патриархально-феодальных отношений¹³. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «...главной формой собственности в феодальную

⁶ К. Маркс, Капитал, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 2, стр. 327.

⁷ См., например: Л. П. Потапов, Из истории кочевничества, «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 113.

⁹ Там же, стр. 160.

¹⁰ См., например: Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, № 6.

¹¹ С. Е. Толыбеков, О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов, «Вопросы истории», 1955, № 1; его же, Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв., Алма-Ата, 1959; В. Ф. Шахматов, К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане, «Вестник АН КазССР», 1951, № 7.

¹² З. А. Еренов, К вопросам права феодальной собственности в дореволюционном Казахстане, «Вестник АН КазССР», 1953, № 5; Л. П. Потапов, Указ. раб.

¹³ Л. П. Лашук, О характере классовобразования в обществах ранних кочевников, «Вопросы истории», 1967, № 7.

эпоху были, с одной стороны, земельная собственность, вместе с прикованным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, господствующего над трудом подмастерья»¹⁴. Как говорилось выше, Энгельс указывал, что частная собственность на скот сложилась в ходе возникновения пастушества. Маркс считал, что скот у кочевников следует рассматривать как капитал¹⁵. По поводу собственности на землю у кочевников Маркс писал, что пастбища «...на каждом месте стоянки временно используются сообща», и при этом «присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля...»¹⁶. Или: «при овцеводстве и вообще животноводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер»¹⁷.

Следует подчеркнуть, что вся совокупность фактов, накопленных наукой в отношении кочевничества, полностью подтверждает выводы классиков марксизма о характере собственности на основные средства производства у кочевых скотоводов и не дает оснований подвергать их пересмотру. Нельзя не отметить, также, что, неоднократно останавливаясь на проблемах кочевничества, классики марксизма ни разу не называли господствующие у кочевников социальные отношения феодальными, что особенно наглядно видно из слов Маркса об институте тарханов у монголов: «... этот вид *феодальных прав* возникает у всех полукцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни»¹⁸. Таким образом, даже у монголов эпохи Чингисхана Маркс находит только отдельные элементы феодальных отношений, причем связывает их происхождение не с производственными отношениями, а с условиями военной жизни.

Анализ фактического материала показывает, что у кочевников отсутствовала словесная монополярная собственность на землю, о чем свидетельствуют памятники обычного права и этнографические данные; отсутствовала, за очень редкими исключениями, внеэкономическая эксплуатация труда крепостных¹⁹. Вся военная сила кочевников представляла собой вооруженное ополчение народа, что затрудняло или исключало возможность внеэкономической эксплуатации. Неубедительным выглядит стремление некоторых авторов обосновать наличие у кочевников феодальной земельной собственности существовавшим якобы правом предводителей безоговорочно распоряжаться перекочевками и распределением пастбищ. Как показывают факты, функции предводителей были организаторскими и вожди, не располагавшие вооруженной силой, отделенной от народа, не могли обычно навязать соплеменникам свою волю²⁰. Попутно можно заметить, что с таким же основанием «феодальные» права можно найти у предводителей групп охотников в первобытном обществе. Не могут рассматриваться как феодальная собственность и участки пастбищ, захватываемые предводителями и богатыми скотоводами в личное пользование для нужд своих хозяйств. Лю-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. 3, стр. 23.

¹⁵ К. Маркс, *Капитал*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, стр. 181.

¹⁶ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 24.

¹⁷ К. Маркс, *Капитал*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 2, стр. 228.

¹⁸ К. Маркс, *Хронологические выписки*, «Архив Маркса и Энгельса», т. 5, стр. 220.

¹⁹ По маньчжурскому законодательству предводители монголов, в зависимости от служебного положения, получали для личных услуг по несколько семей крепостных. На массу непосредственных производителей это законодательное установление не распространялось.

²⁰ Предводители узурпировали право распоряжения пастбищами обычно только в тех случаях, когда они являлись чиновниками государства, подчинившего себе кочевников. Но эта узурпация не была юридически оформленным правом, а являлась произволом и имела место главным образом в новое время, когда кочевничество уже разлагалось.

бой разбогатевший скотовод мог присвоить посредством капитала (скота) необходимые участки пастбищ. Это противоречит нашим представлениям о путях сложения частной монополевой земельной собственности в условиях феодализма. У кочевников эксплуатация носила свободный экономический характер в виде найма или прикрывалась племенными традициями.

Вместе с тем нельзя не отметить, что общественные отношения у кочевников на разных этапах их истории отличались значительной сложностью, многоукладностью, что было следствием тесных и разносторонних связей с оседлыми народами. Эти связи могли в определенных случаях способствовать значительному развитию феодального уклада в среде кочевничества. Особенно заметно проявлялся этот процесс, когда кочевники подчиняли себе земледельческие государства или когда кочевники покоряли оседло-земледельческие области. Однако не следует и преувеличивать степень феодализации, основываясь лишь на некоторых внешних признаках, свойственных, кстати, не только обществам, стоявшим на уровне феодального развития, но и всем народам, у которых имущественная и социальная дифференциация развивалась в рамках военной организации и постоянной военной жизни.

В связи со сказанным самого серьезного внимания заслуживает критика Марксом взглядов о наличии феодальных отношений у народов Центральной и Южной Америки: «Испанцы (писатели) оставили нам по вопросу о землевладении у южных племен невероятную путаницу. В неотчуждаемой общей земле, принадлежавшей общине, они видели феодальное владение, в вожде — феодального *сеньера*, в людях — его *вассалов*...»²¹.

Чрезвычайно важная характеристика общественных отношений у кочевых или в недавнее время кочевых народов Средней Азии и Южной Сибири содержится в партийных документах X съезда РКП(б). В резолюции съезда по национальному вопросу говорится: «...остается около 25 миллионов, по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ), или не вполне еще ушедших дальше полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития»²². Из содержания резолюции видно, что наличие патриархально-феодальных отношений констатировалось лишь у некоторых земледельческих народов, скотоводы же не относились к этой стадии общественного развития.

В научном наследии классиков марксизма содержатся ценные указания, открывающие пути для выяснения общественных отношений и общественной организации у кочевников. Речь идет о «военной демократии». Это была эпоха, когда родовые отношения разлагались или уже разложились, когда существовали отношения имущественной и социальной дифференциации и происходило сложение классов. Подобные общественные отношения Энгельс находил у греков в героическую эпоху и у римлян в период «...так называемых царей...»²³. Как писал Маркс, «греческие тирании были *деспотиями, основанными на узурпации*, представлявшими зародыш, из которого развились позднейшие монархии;

²¹ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. 9, стр. 49.

²² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, 1964, стр. 559.

²³ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 127.

так называемые *монархии гомеровского* периода были не чем иным, как *военными демократиями*²⁴. Общества, определяемые классиками марксизма как «военные демократии», во многом сходны с обществами кочевников. Весьма интересными представляются в свете рассматриваемой проблемы мысли А. И. Неусыхина об общественном строе германцев до сложения у них феодальных отношений: «...это тот политический строй племени, который Ф. Энгельс обозначил термином «военная демократия»²⁵. «Дофеодальный период» А. И. Неусыхин рассматривает как понятие не хронологическое, а стадияльное, и не выделяет его в самостоятельную общественную формацию²⁶. Представляется, что по наиболее существенным признакам общественные отношения у кочевников сходны со структурой общества в «дофеодальный период». Но по мере окончательного оседания германцев и складывания у них феодальных отношений это сходство начинало постепенно исчезать. Связано это в известной мере с тем, что имущественное и социальное расслоение не достигало внутри кочевничества уровня развитых классовых отношений, так как большая часть непосредственных производителей-скотоводов, лишенных средств производства, вынуждена была искать занятия вне скотоводства. Когда в среде кочевничества начинались процессы формирования классовых отношений — в феодальной или капиталистической форме, кочевничество разлагалось, и скотоводы превращались в оседлое население.

Политическая организация кочевников возникла в ходе выделения скотоводческих народов из среды прочих варваров, в ходе разложения у них первобытнородовых отношений и отвечала специфике кочевого скотоводческого хозяйства. При этом общественная организация кочевников не была ни повторением, ни прямым продолжением организационной структуры обществ, стоящих на первобытнообщинном уровне развития. Как отмечал Маркс, определенной форме материального производства соответствует определенная структура общества²⁷. В. И. Ленин показал, что общественная организация, характер общественных связей принципиально различны на разных этапах социально-экономического развития общества. Ссылаясь на Маркса, Ленин отмечал, что «...глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как организмы животных и растений»²⁸. Ленин высмеивал доктрину о том, «...что сначала была семья, эта ячейка всякого общества, затем — дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство»²⁹.

При анализе социальной организации и ее признаков на разных этапах развития Ленин придавал особое значение общественным связям, лежащим в ее основе. Он устанавливает, что при родовом строе господствовали родовые, при феодальном — территориальные, при капиталистическом — национальные связи³⁰.

Социальная организация любого общества имеет в своей основе самые различные явления и связи. Однако часть их второстепенна и не определяет характера общественной структуры, и только строго определенные явления и связи составляют ее сущность.

В обществах кочевников существовали кровные, семейно-родственные, хозяйственные, племенные-генеалогические, военные, политические, культурные, языковые и другие связи. Значение этих связей для обществен-

²⁴ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Моргана «Древнее общество», стр. 89, 90.

²⁵ А. И. Неусыхин, Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному, «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 79.

²⁶ Там же, стр. 86.

²⁷ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. 1, стр. 279.

²⁸ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. I, стр. 150.

²⁹ Там же, стр. 137.

³⁰ Там же, стр. 137, 138.

ной организации кочевников неравноценно, и задача исследователя состоит в выявлении среди них тех, которые лежат в основе общественной структуры³¹.

Данные, которыми располагает наука относительно общественной организации древних кочевников Азии, очень ограничены. Как свидетельствуют восточные хроники «Шицзы» и «Цяньханьшу», в ходе войн и междоусобиц, у хунну сложилась своеобразная военно-племенная организация: 24 племени возглавлял верховный вождь — *шаньюй*, который управлял с помощью ближайших родственников и старейшин. Каждому из них подчинялись тысячники, сотники, десятники. Кочевали хунну племенными подразделениями, состоявшими из семей, владельцев скота³². Можно полагать, что особенности исторического развития хунну привели к сложению у них воедной структуры на основе общинно-племенной организации. Известно, что многие народы, осколки хуннского племенного объединения, еще долгие века сохраняли племенную структуру.

Некоторые данные об общественной организации древних тюрков можно почерпнуть в письменных источниках³³. Существуют предположения, что основной ячейкой их общества была патриархальная семья, включавшая иногда дочерей с их мужьями. Собственность на скот была семейной. Семьи группировались в небольшие племенные подразделения (*окус*), а те, в свою очередь, в отделы или племена (*будун*). Совокупность племенных групп составляла «эль» (союз племен или народ)³⁴. Существовала прослойка предводителей, однако установить их функции довольно трудно³⁵. Можно полагать, что в основе военной структуры древних тюрков лежала племенная организация. Общество их не было полностью централизованным, стабильным, что видно из некоторых текстов, где предводители призывают народ к единству³⁶.

Больше данных имеется об общественной организации скотоводов эпохи развитого кочевничества.

Немного известно об общественной организации монголов в столетия, предшествовавшие возникновению империи Чингисхана. И то, что известно, не всегда достоверно. Следует отметить, что об этой организации сообщают сравнительно поздние источники, чьи свидетельства могли отражать политические тенденции и литературную традицию эпохи империи. К тому же хронисты происходили из земледельческих оазисов и могли освещать положение кочевников с позиций привычных им в оазисах социально-экономических отношений.

Источники сообщают, что еще в XII в. монголы подразделялись на лесных и степных³⁷ в зависимости от их хозяйственной специализации. Кочевые племена — керейты, меркиты, джалаиры и др., — занимали определенные пастбищные области: «Их обиталища (*йурт*) и становища (*ма-*

³¹ В связи с ограниченностью размера статьи ниже будут рассмотрены только некоторые, наиболее изученные кочевые народы из разных областей Азии.

³² Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 48, 49.

³³ См. С. Е. Матюгов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951; его же, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисейка, Фрунзе, 1962; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, М., 1964.

³⁴ Относительно общественной организации тюрков, проблемы эля, существует большая литература (см., например: «Древние памятники в Коше-Цайдаме», «Сб. трудов Орхонской экспедиции», IV, СПб, 1897; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 503; С. Г. Кляшторный, Указ. раб. стр. 23, сноска 34; Л. П. Лашук, Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников, «Сов. этнография», 1967, № 4, и др.). Однако ограниченность фактических данных, что отмечается всеми указанными авторами, позволяет определять сущность этих явлений только предположительно.

³⁵ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Указ. раб., стр. 98, 99.

³⁶ Перевод текста см.: С. Г. Кляшторный, Указ. раб., стр. 62.

³⁷ «Сокровенное сказание», I, М.—Л., 1941, стр. 205; Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 33, 34.

кам) были в определенных местах»³⁸. Вместе с тем имеются известия о частых изменениях в расселении тех или иных племен, в первую очередь вследствие войн³⁹. До XIII в. монгольские племена и их подразделения (*обок*), кочевые группы (*курень*) были до известной степени независимыми и часто между ними происходили междоусобицы. Курени состояли нередко из целых племенных подразделений⁴⁰. Их предводители вели войны с соседями, заключали союзы с другими кочевыми группами и племенами⁴¹. Состав племенных подразделений не был строго постоянным. Отдельные семьи и группы кочевников могли выходить из их состава и присоединяться к другим, что находило отражение в объединении генеалогических схем. Происходила своего рода «генеалогическая ассимиляция» слабых групп.

Сложение империи, дальние завоевательные походы внесли большие изменения в условия жизни монголов. Вся Монголия превратилась в военный лагерь. Одни группы монголов оказались в покоренных оазисах, другие — в степях Восточной Европы. Часть осталась в Монголии. Объединение Чингисханом монгольских племен и осуществление грандиозных завоевательных походов требовали создания централизованной военной и административной системы. Племена и их подразделения, в одних случаях целиком, в других — частями были включены в военную организацию, построенную по десятичному признаку. Каждая кочевая группа должна была выставить ополчение из десяти, ста или тысячи воинов в зависимости от ее численности. Родственные и дружеские племена составляли обычно целиком *тысячу* или *тьму*. Завоеванные распределялись по различным войсковым частям⁴². Сохраняя в одних случаях старые племена в целости, разбрасывая другие по воинским соединениям, Чингисхан лишь несколько изменил прежнее распределение куреней и айлов по племенам, но не коснулся самого принципа племенной организации. Племенные связи сохранялись. Это видно из того, что после распада империи большинство покоренных монголами кочевников, а также часть самих монголов оказалась вновь организованной по племенному признаку.

Общественная организация монголов в эпоху, следовавшую после первых преемников Чингисхана (когда началось разложение империи) и вплоть до XVIII в., почти не освещена источниками⁴³. В процессе разложения империи стала рушиться военная структура, и уже после XIII в. исчезли объединения, выставляющие тысячу воинов⁴⁴. По словам Б. Я. Владимирцева, монголы после смерти Чингисхана либо растворились среди народов завоеванных культурных стран, «... или опять впали в то состояние, в котором они пребывали до рождения их гениального вождя», так как «...цивилизацию нельзя совместить с кочевым бытом»⁴⁵. С XV в. основной ячейкой общественной организации скотоводов стали группы айлов (*оток*). Их ополчение составляло соединение (*хошун*). Несколько отоков составляли *аймак*. И те и другие были объединениями, связанными в первую очередь хозяйственными интересами⁴⁶. Отоки и аймаки объединялись в племенные группы (*улус*, *тюмен*)⁴⁷. Но, судя по частым междоусобицам, эта система была далека от централизации.

В XVII в. Монголию захватил Китай. Маньчжурская династия ввела там новую административную систему, превратила предводителей ко-

³⁸ Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. 1, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 92.

³⁹ Там же, стр. 78, 92 и сл.

⁴⁰ См. сопоставление племени и куреня в «Сокровенном сказании», стр. 129.

⁴¹ См., например, там же, стр. 133.

⁴² Там же, стр. 186, 218.

⁴³ Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов, стр. 123.

⁴⁴ Там же, стр. 131.

⁴⁵ Б. Я. Владимирцев, Чингисхан, Берлин — Петербург — Москва, 1922, стр. 160.

⁴⁶ Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов, стр. 136, 140.

⁴⁷ Там же, стр. 132, 133.

чвинок в своих чиновников, жестоко эксплуатировала население. Все это оказало значительное влияние на общественные отношения и общественную организацию. С конца XVII и начала XVIII в. в Монголии начинает распространяться земледелие, возникают постоянные поселения вокруг монастырей и ставок предводителей⁴⁸. Военно-административная территориальная система делала ненужной высшие ступени племенной организации, и генеалогические связи стали вытесняться административно-территориальными. В связи с этим у монголов под властью Китая исчезали высшие ступени племенной организации и продолжали функционировать лишь ее низшие звенья, основанные на хозяйственно-кочевых связях. Однако у монголов, не попавших под иго Китая, особенно у западных, племенная структура и генеалогические связи сохранились до недавнего времени. Это показывает, что изменения в общественной организации монголов под властью Китая были в значительной мере следствием навязанной извне политической системы. До революции 1911 г. в областях Монголии, временно захваченных Китаем, сохранялась военно-административная система. Основной хозяйственной ячейкой оставался аил. Обычно айлы не кочевали по одиночке, а объединялись в кочевые группы (*улус*)⁴⁹, которые авторы XX в. называли *хотон*⁵⁰. Улус-хотон мог быть по составу как родственным, так и неродственным. Вплоть до революции улусы объединялись в военном отношении в военно-административные группы (*сомон*), а те, в свою очередь, в хошуны. Несмотря на хошунов (иногда один) образовывали аймак⁵¹. Хошунами управляли от лица китайского правительства наследственные монгольские князья, по имени которых назывались подчиненные им объединения⁵². Хотя хошуны были военно-административными единицами, их организация сохраняла в известной степени племенной облик. Так, хошун Тюмен-Баиргуна подразделялся на шесть «костей»: цирс — белая, княжеская, из нее происходили все дербетские и байтские князья; булгудур, хасчут, цамхад, цагагут, тонгоруд⁵³. И еще в начале XX в. среди монголов сохранялись некоторые воспоминания о былой племенной организации и племенной номенклатуре⁵⁴.

Интересны для рассматриваемой проблемы данные о туркменах, так как известия средневековых авторов об их общественной организации могут быть сопоставлены с позднейшими этнографическими наблюдениями⁵⁵. Следует отметить, что действительное состояние общественной организации туркмен уже издавна не соответствовало стройной схеме, сооб-

⁴⁸ Б. Я. Владимирцев, Общественный строй монголов, стр. 189, 191.

⁴⁹ М. В. Певцов, Путешествия по Китаю и Монголии в 1847 и 1859 гг., «Записки РГО по общей географии», т. 22, 1.

⁵⁰ Н. Б. Балодон, К вопросу о хотонах, «Современная Монголия», 1938, № 2, стр. 77, 78, 80.

⁵¹ М. В. Певцов, Указ. раб., стр. 109, 110.

⁵² Н. Пржевальский, Монголия и страна тангутов, т. I, СПб., 1875, стр. 59.

⁵³ Л. Бурдуков, Очерк Байтского хошуна князя Тюмы Баир-Гуна, Томск, 1915, стр. 7.

⁵⁴ Г. Д. Санджеев, Дархаты, Л., 1930, стр. 35.

⁵⁵ Легенды о происхождении туркмен, перечень их племен, носивших имена внуков мифического прародителя Огуз-хана, племенные знаки-тамги сообщаются в трудах автора XI в. Махмуда Кашгарского («Диван лугат ат-тюрк», «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1938), в летописи XIV в. Рашид ад-Дина, сочинениях хивинского историка хана Абу-л-Гази (А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского, М.—Л., 1958). См. также: Я. Р. Винников, Родо-племенной и этнический состав населения Чарджоуской обл. ТССР и его расселение, «Труды Ин-та истории, археологии, этнографии АН Туркм. ССР», т. XI, Ашхабад, 1962; К. Овезбердыев, Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса, там же; Г. Е. Марков, Очерк истории формирования северных туркмен, М., 1966; W. Köpfig, Die Achal-Teke, Berlin, 1962; А. Джекиев, Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961; его же, К истории расселения туркмен-салыров в XVI—начале XX в., «Исследования по этнографии туркмен», Ашхабад, 1965.

щаемой письменными источниками⁵⁶. К началу XX в. среди них насчитывалось около 19 более или менее значительных племен, не считая мелких, из них только четыре были весьма крупными (теке, иомуты, сарыки, эрсари). В течение всего позднего средневековья туркмены были территориально, политически и хозяйственно разобщены, и почти ни одно их крупное племя не представляло собой компактного целого. Племенная структура туркмен была довольно аморфной, номенклатура и терминология племен и их подразделений—неопределенной. Даже в начале нашего века члены каждого племени считали туркменами только себя, называя прочих по их племенной принадлежности. Существовало много терминов для обозначения племени (*халк*, *тайпа* и др.). Племена, во всяком случае большие, имели крупные подразделения, называемые в литературе часто «отделами». Им соответствовали туркменские термины *тайпа*, *уруг* и др. В отличие от племен отделы были относительно более едиными и в XVIII—XIX вв. приобретали иногда вид территориальных объединений. Отделы, в свою очередь, подразделялись на более мелкие группы, называемые чаще всего «тире». Крупные тире делились на более мелкие тире, состоявшие в конечном счете из родственных групп (*лакам*, *лакаб*, *топарлар* и др.), объединявших хозяйственно самостоятельные большие и малые семьи⁵⁷. Вся эта структура в целом выглядела как разветвленное генеалогическое дерево. Состав племенных подразделений постоянно изменялся и развивался. По мере сегментации семейных групп и тире возникали новые тире. К ним примыкали чужеродные группы, возводившие свое происхождение к их генеалогии.

Параллельно с племенной существовала организация скотоводов по кочевым поселениям-общинам (*оба*). Они могли состоять из группы родственных семей, из членов одного тире, связанных более или менее близким генеалогическим родством⁵⁸. У туркмен существовали также чисто хозяйственные объединения в рамках *оба* и *тире*. Эти объединения создавались для удобства выпаса скота, так как целесообразнее всего пасти стада из 400—800 голов мелкого скота. Такое стадо не слишком быстро поедало траву на пастбище, поэтому не было нужды в непрерывном кочевании. Обслуживал его один пастух с подпаском. Размеры таких групп зависели от зажиточности входивших в них хозяйств.

Рассматривая общественную организацию туркмен в ее историческом развитии, можно заметить, что она существенно различается в эпохи войн и переселений и в относительно мирные времена. В первом случае происходила военная и политическая консолидация племен или их крупных отделов, и племенная структура обеспечивала функционирование военной организации. Племенное ополчение формировалось из конных и пеших воинов отдельных тире, и военная структура отражала генеалогически-племенную организацию. Ополчение каждого небольшого племенного подразделения возглавлялось выборным предводителем. Все они объединялись общим племенным, также выборным командованием. Такова была, например, военная организация текинцев во время завоевания ими Южной Туркмении и перед приходом туда царских войск⁵⁹.

⁵⁶ Такое положение существовало уже в XVII в. (А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 76). Возможно, что традиционная генеалогическая схема туркменских племен вообще никогда полностью не соответствовала реальной структуре общественной организации, отражая исторические предания и мифы.

⁵⁷ Г. П. Васильева, Итоги работ туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г., «Труды Хорезмской экспедиции», I, 1952; Г. Е. Марков, Очерк истории формирования северных туркмен; W. Köpfig, Указ. раб.

⁵⁸ Г. Е. Марков, Очерк истории формирования северных туркмен; его же; Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX и начале XX в., «Вестник МГУ», 1958, № 4; Ю. Э. Брегель, Хивинские туркмены в XIX в., М., 1961; W. Köpfig, Указ. раб.

⁵⁹ Н. И. Гродеков, Война в Туркмении в 1880—1881 г., тт. 1—4, СПб., 1883; П. П. Лессар, Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах, СПб., 1884.

Военные, политические и хозяйственные вопросы решались на советах (*гюнеш, маслахат* и др.)⁶⁰.

В пору относительно мирного существования усиливалась самостоятельность небольших племенных групп, объединяемых в первую очередь хозяйственными и территориальными связями. В периоды длительного мира постепенно теряли значение как реально функционирующие элементы большие тире, не говоря уже об отделах племен. Так было, например, у северобалханских туркмен, у туркмен правого берега Амударьи и др.⁶¹ Наиболее существенными ячейками общественной организации становились оба и хозяйственные объединения (*кошоунт, чекене* и пр.), хотя и их значение ослабилось усилением имущественного и социального расслоения, приводившего к обособлению отдельных богатых семей⁶². Но эти изменения не уничтожили представлений о генеалогически-племенной структуре, и в случае необходимости она вновь начинала функционировать как военно-политическая организация.

По общественной организации казахов до XVII в. имеется мало источников. Известно лишь, что, как и в позднейшие времена, отдельные казахские племена и их подразделения объединялись в орды (*жуз*)⁶³. Немногим больше сведений можно найти и об общественной организации казахов в XVIII и в начале XIX в. По сообщениям источников того времени, орды-жузы делились на племена, колена, роды, которые состояли из аулов или групп аулов (*аймаки*)⁶⁴. По мнению некоторых исследователей, вся экономическая и социальная жизнь сосредотачивалась в племенных подразделениях, обозначаемых «родом». Его члены считались родственниками и возводили свое происхождение к единому предку, кочевали на общих пастбищах, совместно защищали свою жизнь и имущество⁶⁵. Аймаки состояли из близких родственников, совместно выпасавших скот⁶⁶. По традиции управляли жузами и племенами ханы и султаны, «потомки» дома Чингисхана, составлявшие сословие (белая кость), обособленное от прочей массы кочевников (черная кость, букара)⁶⁷.

Уже к XVIII в. в связи с глубокими социально-экономическими и политическими изменениями в обществе казахов их общественная организация утеряла характер единой военной организации. Вследствие этого группировки высшего порядка не имели большого практического значения и поддерживались искусственно, как единицы введенного царским правительством административного деления, чуждого интересам кочевников. Иначе обстояло дело с племенными подразделениями низшего порядка, объединяемыми вполне реальными хозяйственными интересами, совместным использованием пастбищ и более или менее близким родством⁶⁸.

Примерно так же выглядела общественная организация казахов согласно источникам первой половины XIX в. При этом кочевые группы становились со временем все более смешанными по составу и родствен-

⁶⁰ Там же; Г. Е. Марков, Очерки истории формирования северных туркмен.

⁶¹ Г. Е. Марков, Очерк истории формирования северных туркмен; его же, Скотоводческое хозяйство и общественная организация.

⁶² Г. Е. Марков, Скотоводческое хозяйство и общественная организация.

⁶³ Первые сообщения о жузах появляются в литературе 1730-х годов (см. В. В. Востров, М. С. Муканов, Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.), Алма-Ата, 1968, стр. 10.

⁶⁴ И. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, СПб., 1799, ч. 1, стр. 124; «Извлечение из описания экспедиции в Киргизскую степь», «Вестник Европы», № 14, 17, 18, ч. 87—89, 1816.

⁶⁵ П. П. Румянцев, Киргизский народ в прошлом и настоящем, СПб., 1910, стр. 16, 52.

⁶⁶ И. Георги, Указ. раб., стр. 131 и др.

⁶⁷ Н. П. Рычков, Дневные записки путешественника капитана Н. Рычкова в Киргиз-кайсацкие степи 1771 г., СПб., 1772, стр. 20; Бланкенгель, Путевые заметки о Хиве, «Вестник РГО», 1858, стр. 92, 93.

⁶⁸ Н. П. Рычков, Указ. раб., стр. 23.

ный принцип их организации нарушался все чаще⁶⁹. Ослабление племенных связей происходило как по отмеченным выше причинам, так и вследствие углубления социально-экономического расслоения общества. Укреплялась байская верхушка, часть беднейших скотоводов оказывалась вынужденной переходить к оседлости⁷⁰.

Многочисленные свидетельства второй половины XIX в. говорят об окончательной утере значения племенной организации высшего порядка. Этому способствовали законодательные акты царского правительства: «Устав о сибирских киргизах 1822 г.» и введенная в конце 1860-х годов новая административная система. Ханы и султаны лишились наследственной власти, и господствующее положение в обществе приобрели богатые скотоводы — бай и тесно с ними связанные чины местной выборной администрации. Устанавливалась территориально-выборная система управления по волостям. Эти акты лишь узаконили давний процесс разложения высших ступеней общественной организации казахов: жузов и племен. Племенные подразделения, называемые в источниках «род», часто еще кочевали совместно, разбиваясь на каждой долговременной стоянке на кочевые группы. Эти группы совместно выпасали скот и имели общие зимники⁷¹. Вместе с тем вследствие обострения имущественного неравенства начали намечаться процессы разложения даже низших элементов племенной структуры. Хозяйства богачей-баев, сопровождаемые семьями наемных пастухов-бедняков, кочевали отдельными аулами. Расслоение средних по зажиточности хозяйств приводило к тому, что только наиболее обеспеченные скотом семьи имели возможность кочевать на дальние расстояния. Менее состоятельные ограничивались кочеванием в окрестностях зимников, где они находили корм для своих малочисленных стад⁷². Значительные социально-экономические сдвиги, происходившие в рассматриваемое время в казахском обществе вследствие колониальной политики царизма, усилившееся оседание на землю приводили к тому, что не только административные единицы — волости, но и аулы становились смешанными по составу⁷³. Родственные аулы оказывались разбросанными по разным волостям, что, впрочем, нисколько не мешало нормальному ведению хозяйства. Только у наиболее подвижных групп, например у адаевцев, племенные подразделения («род») оставались реально действующими объединениями. У остальных они теряли организационное значение, превращаясь в надстроечные институты, связанные главным образом с обычаями и обрядами.

Еще стремительнее эти процессы стали развиваться в конце XIX и начале XX в., когда массовое разорение скотоводов заставило их искать новые занятия, оседать на землю, что, в свою очередь, приводило к выдвиганию на первый план уже не общинно-кочевых, а территориальных связей⁷⁴.

У арабов племенная организация сохранилась до настоящего времени не только среди кочевых и полукочевых скотоводов, но и у оседающего на землю населения⁷⁵. Как и у многих других кочевников, племен-

⁶⁹ А. И. Левшин, Описание киргиз-казачьих или киргис-кайсацких орд и степей, СПб., 1832, ч. 3, стр. 24.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ И. Ф. Бларамберг, Земли киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства, «Военно-статистическое обозрение Российской империи», 1848, т. XIV, ч. 3, стр. 8, 10, 74—79, 81, 92, 93; С. С. Болотов, С Сыр-Дарьи, «Русский вестник», т. 62, кн. 1, М., 1866, стр. 186; А. К. Гейнс, Собрание литературных трудов, т. 1, СПб., 1897, стр. 164, 248, 573 и др.

⁷² См. С. С. Болотов, Указ. раб., стр. 186; А. К. Гейнс, Указ. раб., стр. 64,

⁷³ А. К. Гейнс, Указ. раб., стр. 67, 229 и др.

⁷⁴ А. Н. Букейхан, Казаки Адаевского уезда, сб. «Казаки», вып. 3, Л., 1927; Ф. А. Фиельструп, Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана, сб. «Казаки», вып. 11, Л., 1927; И. С. Руденко, Очерк быта казаков рек Уила и Сагызга, сб. «Казаки», вып. 3, Л., 1927.

⁷⁵ R. Stein, Die Sammar — Gerba, Berlin, 1967, S. 146.

ная структура арабов, ее номенклатура, терминология не единообразны у разных групп, и практическое значение отдельных ее элементов не равноценно. По сообщению одних авторов, самый крупный элемент общественной организации арабов — племя (*бени*), которое включает в себя несколько более мелких племен или отделов (*кабиле*). Кабиле состоят, в свою очередь, из племенных подразделений (*фенде*), объединяющих несколько более мелких племенных подразделений (*таифе*), которые возводят свое происхождение к более или менее реальному предку. Таифе состоят из мелких кочевых групп (*товайеф*), каждая из которых насчитывает некоторое число больших семей или сегментированных больших семей. Параллельно с такими группами, как кабиле, фенде, существовали небольшие племенные подразделения (*ашире*), объединявшие выходцев из разных племен — чужаков. Подобные объединения считались не вполне полноправными⁷⁶. По другим наблюдениям, племя и его отделы назывались не только *кабиле*, но и *бедиде*. Они подразделялись на группы *ашире*, *хамуле*, состоявшие из семейных групп (*аиле*). Параллельно с аиле существовали родственные группы «хамсе» (пять), в которые входили потомки одного прародителя до пятого колена. В отличие от аиле, которые кочевали одной группой и были реальными хозяйственными единицами, хамсе не объединялись совместным кочеванием и хозяйственными интересами. Члены хамсе были связаны кровной мстью, родственной взаимопомощью и т. п.⁷⁷ В литературе можно найти описания и других видов племенной номенклатуры арабов⁷⁸. Внимания заслуживают данные о группе Шаммар-Джерба, основанные на новейших полевых материалах. Это объединение называется конфедерацией (*кабиле*) племен (*ашира*). Последние подразделяются на отделы (*фахед*), а отделы — на племенные подразделения (*фирка*), в которые группируются семьи (*аила*)⁷⁹. По мнению многих исследователей, для конфедераций племен и больших племен характерны в первую очередь общее название, полная или относительная самостоятельность, единое, хотя обычно лишь номинальное управление в виде верховного шейха, общая генеалогия родства, как правило фиктивная, так как большая часть арабских племен имела сложный этнический состав⁸⁰. Это было связано, в частности, с обычаем, согласно которому отдельные семьи или целые кочевые группы могли искать себе покровительства другого племени (таниб, касир и др.) и присоединялись к нему как временно, так и постоянно. Причем в последнем случае могла происходить адаптация и объединение генеалогий⁸¹.

Общественную структуру арабов можно подразделить по функциям ее элементов на две части. К первой относятся объединения высшего порядка: конфедерации — кабила и племена — ашира. Они представляют собой политические группировки, объединяемые главным образом военно-административными связями. В обычных условиях они почти не функционировали. Их значение резко возрастало в военное время, при переселениях⁸². Ко второй группе могут быть отнесены семьи, группы семей и племенные подразделения низшего порядка. Основной общественной и экономической ячейкой является малая или большая семья (*аила*), чле-

⁷⁶ J. Burckhardt, Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby, Weimar, 1831, S. 7 (сноска 27).

⁷⁷ E. Bräunlich, Beiträge zur Gesellschaftsordnung der arabischen Beduinenstämme, «Islamika», Bd. 6, 1933/34, S. 78, 80, 81.

⁷⁸ См. например: Aref El-Aref, De Beduinen von Beerseba, Luzern, 1938; P. K. A. Hitti, History of the Arabs, London, 1960; А. П. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой половине XX в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 69, 1961.

⁷⁹ L. Stein, Указ. раб., стр. 142.

⁸⁰ E. Bräunlich, Указ. раб., стр. 79, 80; L. Stein, Указ. раб., стр. 142, 144.

⁸¹ E. Bräunlich, Указ. раб., стр. 191, 192, 195—201.

⁸² J. Burckhardt, Указ. раб., сноска к стр. 27; E. Bräunlich, Указ. раб., стр. 78, 79; L. Stein, Указ. раб., стр. 145.

ны которой живут в одной палатке, за исключением случаев полигамии, когда семья может иметь несколько палаток. Всеми делами семьи руководит старейший ее член. Несколько родственных семей объединяются в совместно кочующую группу. Скот в ней является частной собственностью каждой отдельной семьи, но выпасается обычно совместно. Несколько кочевых групп, связанных более или менее близким родством, составляют **племенное подразделение (фирка)**, управляемое «**раисами**». Совокупность фирка, составляющая отделы племени, управляется шейхами⁸³.

Различными были связи, лежавшие в основе объединений высшего и низшего порядка. Семьи и небольшие племенные группы объединялись, в первую очередь, общими хозяйственными интересами, совместным кочеванием, родством. Уже на уровне племен эти связи были слабее, хотя в конечном счете лежали в основе организации и этих объединений, связанных идеологически обычно фиктивными представлениями о генеалогическом родстве и «общности» происхождения. В эпохи войн и больших переселений, когда появлялась необходимость в сплочении сил кочевых групп, их ополчение объединялось в общее войско племен и конфедераций, и племенная структура обеспечивала функционирование военной организации. С наступлением мира организационные связи внутри конфедераций и племен ослаблялись, хотя полностью своего значения не теряли.

* * *

Анализ рассмотренного выше материала и данные по прочим скотоводам Азии показывают большое сходство в принципах общественной организации различных групп кочевников. При этом оно прослеживается как между соседними, так и отдаленными народами, что позволяет предполагать наличие общих закономерностей в развитии рассматриваемых явлений. Общественная структура кочевничества начала складываться в ходе выделения скотоводства в самостоятельную отрасль хозяйства в эпоху разложения первобытнообщинных отношений. Становление кочевничества сопровождалось большими изменениями в производственном базисе. А как известно, подобные процессы влекут за собой значительные изменения и в области общественной организации⁸⁴. Взамен первобытнообщинной организации племен, ведущих комплексное оседлое и полуседлое хозяйство, формировалась кочевническая организация, в основе которой были хозяйственно-самостоятельные семьи, имевшие в частной собственности скот (капитал). Но семьи не могли существовать изолированно, и по хозяйственным, военным и другим соображениям они объединялись в кочевые группы, к чему приводила также сегментация семей, объединение неродственных семей и групп. По тем же соображениям кочевые группы объединялись в более крупные племенные подразделения и племена. Как небольшая группа семей, так и племена рассматривались самими кочевниками как следствие сегментации одной пер-

⁸³ J. Burgkhardt, Указ. раб., стр. 93—95; E. Bräunlich, Указ. раб., стр. 85; L. Stein, Указ. раб., стр. 145.

В источниках отмечается при этом, что власть шейхов отделов и племен опиралась на их авторитет, богатство, щедрость, поддержку родственников. Распоряжения шейхов могли исполняться и не выполняться, если они не были с ними согласны («К его (шейха.— Г. М.) приказам отнеслись бы с презрением, но его советам следуют, если он слышит опытным в общественных и личных делах человеком». J. L. Burgkhardt, Указ. раб., стр. 93) См. также: J. Burgkhardt, Указ. раб., стр. 94, 95, 118, 228, 229; J. Wellhausen, Ein Gemeinwesen ohne Obrigkeit, Göttingen, 1900, S. 7; P. W. Harrison, The Arab at home, New York, 1924, p. 128 и сл. Значение шейхов усиливалось при подчинении кочевников владельцами земледельческих государств и по мере усиления имущественного неравенства, что отмечалось еще источниками первой половины XIX в. (см. J. Burgkhardt, Указ. раб., стр. 197 и др.). В более поздних сообщениях (например, А. Г. Щербатов, С. А. Строганов, Книга об арабской лошади, СПб., 1900, стр. 54 и др.).

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. 1, стр. 279.

воначальной семьи, что давало идеологическое обоснование племенной общности в виде генеалогического родства, единства происхождения.⁸⁵ Племена и их подразделения носили имена своих действительных или вымышленных прародителей. Однако в действительности часто они являлись сложными этническими образованиями, которые складывались исторически, иногда в течение длительного времени. Объединявшиеся разнородные группы искусственно возводили свою генеалогию к единому предку, что служило достаточным основанием для того, чтобы возникло представление о единстве и «родстве». Подобные явления происходили постоянно в истории кочевничества и известны как из сообщений письменных источников, так и из этнографических наблюдений⁸⁶. При этом практически кочевники достаточно ясно представляли себе различия между кровным и генеалогическим родством, что нашло отражение в их терминологии⁸⁷.

Племенная структура и принципы ее организации были наиболее целесообразными и, пожалуй, единственно возможными в условиях подвижной жизни, частых войн, когда одни племена распадались, другие возникали вновь, оформляясь идеологически как формально-генеалогические общности. На уровне низших ступеней общественной организации (скотоводческих групп, небольших племенных подразделений) генеалогически объединялись родственные и неродственные группы, связанные конкретными хозяйственными интересами. Высшие ее ступени (конфедерации, племена и их крупные отделы) были помимо этого общностями военными и политическими, идеологически скрепляемыми генеалогическим родством и довольно распространенной среди кочевников эндогамией. Действительное родство имело практическое значение только в рамках семей. Генеалогическое родство имело значение до тех пор, пока оно служило идеологическим оформлением реальных политических, военных, хозяйственных и прочих связей. Их нарушение и возникновение новых кочевых образований приводило к появлению новых генеалогических структур.

Характер функционирования элементов общественной организации кочевников и соотношение этих элементов заметно различались в различных социально-экономических и политических условиях. В относительно мирное время, особенно когда кочевники оказывались в подчинении у земледельческих государств, их общественная организация отвечала, в первую очередь, интересам скотоводческого хозяйства, и подчинялась порядкам, установленным законодательством. При этом увеличивалась самостоятельность кочевых групп, семей, усиливалось значение территориальных связей. Организационные связи внутри племен и их отделов ослабевали. Ослабевали или даже исчезали племенные институты власти и управления. Текущие вопросы решались наиболее влиятельными членами кочевых групп при участии глав семей.

Отношения между семьями, входившими в совместно кочующие группы, несмотря на наличие истинного или вымышленного родства, выступали в действительности как соседские. Очень точно выразил сущность кочевнической организации Маркс: «У кочевых пастушеских племен община на деле собрана вместе; это общество спутников (*Reisegesellschaft*), караван, орда, и формы субординации развиваются из условий этого образа жизни»⁸⁸. Условно такую общественную организацию скотово-

⁸⁵ Ср. «генеалогический род»: С. М. Абрамзон, *Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии*, «Родовое общество», «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. XIV, М., 1951.

⁸⁶ Об этом см., например: Н. А. Аристов, *Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и Кара-киргизов*, СПб., 1895, стр. 87 и др.

⁸⁷ У некоторых туркменских групп дальше «родство» — «даш гарындаш», более близкое — «якын гарындаш». Родство по крови — «ган душер».

⁸⁸ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 24.

дов можно назвать «общинно-кочевой». Значительное воздействие на племенную организацию скотоводов оказывали их социально-экономические отношения с соседними государствами, особенно в эпоху развития капитализма. Этот процесс приводил к разложению кочевничества и его племенной структуры.

В годы войн и больших переселений общественная организация кочевников приобретала новые черты. На первый план выдвигались военные и политические интересы, а интересы скотоводческого хозяйства отходили временно на второй план. В бурные для кочевой степи времена семьи, скотоводческие группы и объединения начинали выступать как подразделения военной организации, выставлявшие определенный контингент ополчения. Возрастало единство племен и кочевого народа в целом. Упорядочивались высшие звенья племенной структуры, превращавшиеся из отвлеченных генеалогических понятий в реальные военные соединения и политические образования. Появлялась более или менее централизованная власть, аппарат управления, элементы которого иногда заимствовались у оседлых народов. В отдельных случаях племенная номенклатура временно заменялась военной структурой, построенной по десятичному принципу. Значительно усиливалась власть вождей — военных предводителей. Не следует, однако, полагать, что военная, даже десятичная структура противоречила кочевнической племенной организации. Например, десятки тысяч, тысячи и т. д. в монгольском войске соответствовали большей частью прежним большим и малым племенам, а сотни — более мелким их подразделениям. Десятичная система усиливала смещанность племенного состава, но поскольку родственный принцип в организации кочевников играл лишь идеологическую, формальную роль, то временная замена его централизованной организацией, при сохранении скотоводческого экономического базиса, ничего в принципе не меняла. Описанное состояние организации скотоводов можно условно назвать «военно-кочевым».

Крайним следствием усиления военной организации было возникновение кочевых империй как законченного выражения идеи военной централизации подвижных скотоводов. Централизация кочевников и обращение военной силы империи на грабеж и завоевание соседних народов происходили в первую очередь в интересах верхушки кочевого общества: военных и племенных предводителей. Из новых условий жизни развивались новые формы субординации и власть предводителей усиливалась. Но после распада империи и децентрализации племен, по мере того, как увеличивалась самостоятельность кочевых групп, власть и влияние военно-племенных предводителей ослабевали. Этому способствовало поголовное вооружение кочевников и другие факторы. Одновременно происходило усиление влияния зажиточной прослойки общества, которая, совместно с племенными старейшинами, образовывала его верхушку. Кочевые империи, временные, эфемерные образования, не имели прочного специфического экономического базиса, и по многим чертам отличались от государств оседло-земледельческих областей.

Государства в оседло-земледельческих областях первоначально возникали как формы общественной организации, складывающиеся на территориальной основе при разложении первобытнообщинных отношений. Эти государства возникали в процессе становления нового способа производства как следствие появления непримиримых классовых противоречий между группами населения, наделенными и лишенными средств производства⁸⁹.

В ходе дальнейшего исторического развития раннеклассовые государства сменялись рабовладельческими, феодальными и т. д. С гибелью населения государство могло временно исчезнуть, но если природные ус-

⁸⁹ Ср. В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, стр. 436.

ловия позволяли, новое население опять создавало на этом месте государство. Таким образом, до определенного исторического этапа земледельческое государство представляет собой явление необратимое. Оно может видоизменяться, но не может исчезнуть, пока живы антагонистические классовые противоречия.

Что касается кочевников, то, как показывают факты, переход их общественной организации из «общинно-кочевого» состояния в «военно-кочевое» и обратно — явления обратимые. После распада кочевых империй в подвластных им земледельческих областях складывались новые государства, тогда как в местах обитания подвижных скотоводов возрождалась в том или ином виде общинно-кочевая организация. Это объясняет, почему на месте многих древних кочевых империй впоследствии обнаруживались аморфные племенные образования. Характерно при этом, что племенная и уж во всяком случае общинно-кочевая структура не разлагалась в империях кочевников, а функционировала до тех пор, пока существовало кочевничество.

Рассматриваемые процессы находили отражение и в формировании этнических общностей. Как справедливо отмечалось, своеобразие социально-экономических отношений и общественной структуры кочевников привело к довольно позднему оформлению их в народности⁹⁰.

В заключение следует отметить, что как общинно-кочевое, так и военно-кочевое состояние общественной жизни кочевников соответствует признакам, установленным классиками марксизма для военной демократии. Вместе с тем общественная организация кочевых скотоводов содержит и некоторые специфические признаки, обусловленные особенностями их хозяйственного и общественного развития на разных исторических этапах, развитием и взаимодействием различных укладов, связями с населением оседло-земледельческих областей. Все эти сложные проблемы не могут быть рассмотрены и решены в рамках одной статьи и являются задачей дальнейших исследований.

SOME PROBLEMS OF THE SOCIAL ORGANIZATION OF ASIATIC NOMADS

The evolution of the social organization of nomadic peoples is examined in the article. The conclusion is reached in accordance with source material that the emergence of pastoral economy in the course of the first great division of labour led to the disintegration of the primitive community organization. The development of nomadic society was accompanied by further social-economic changes: cattle became privately owned, differentiation according to property and social status was intensified. At the same time the tribal organization was being formed as the only possible organization under conditions of a nomadic pastoral way of life. In comparatively peaceful times the social organization of nomadic peoples had a «communal-nomadic» aspect, in wartime — a «military-nomadic» one. Extremes of military-nomadic organization were reached by the nomadic empires of the Hunnu, Türks, Mongols, etc.

The development of feudal and capitalist class relations among the nomads led to the disintegration of nomadic cattle herding as an independent branch of economy, to the increase of sedentary agriculture. Simultaneously the nomadic tribal structure was gradually falling apart and being supplanted by a territorial-administrative organization.

⁹⁰ См. Л. П. Лашук, Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов, «Сов. этнография», 1968, № 1, стр. 105.